

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Александра Сапегина
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ПИТОМЕЦ

Цикл
«ДОРОГИ СКАЗОК»

**ЖЕСТОКАЯ СКАЗКА
ТРИ ВОЙНЫ**

Александр САПЕГИН

ПИТОМЕЦ

Роман

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С19

Серия основана в 2004 году
Выпуск 604

Художник
В. Федоров

Сапегин А. П.

С19 Питомец: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2170-1

Издrevле повелось, что люди постоянно куда-то попадают, особенно в литературе. Попаданцев развелось пруд пруди — любых мастей и расцветок. Куда только они, бедные, не попадали! Я бы тоже хотел попасть в «звездные войны», а вляпался в тело мелкого дракончика. Тут не до литературы, скажу я вам. Тут дела куда хуже творятся, опасности на каждом шагу, злобные коты и дворники житья не дают. Зазевался — слопали! Щелкнул пастью — пошел к магу на ингредиенты! Ужас! Какие геройства, уважаемые, когда вы меньше воробья? Между тем на мой хвост и фунт соли упал, и геройств хватило с избытком.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сапегин А. П., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2170-1

ЭЙСА ВВОДНАЯ, в которой рассказывается, как все начиналось

Что это за зверь такой — эйса, спросите вы. Все очень просто — это сказание, которым рассказчики услаждают слух неприхотливой публики на площадях городов или в полутемных залах таверн. В основном это обычные истории без особых изысков и дополнений в виде коротких театрализованных постановок. Эйсы бывают поэтическими, когда рассказчик мягко и складно связывает слова между собой, превращая повествование в журчащий ручей, наполненный рифмой, а бывают музыкальные. Не стоит думать, что к ним пишут отдельные композиции, обычно сказителю аккомпанирует мальчик на дудочке или девочка на лютне. Что же объединяет так горячо любимый в народе жанр? Ответ прост — все эйсы основываются на реальных событиях. Конечно, сочинители сильно приукрашивают те или иные факты в угоду публике, но в нашей эйсе мы расскажем все именно так, как было на самом деле. Для начала познакомимся с главным героем...

Итак, позвольте представиться... Хе-хе, как-то двусмысленно звучит. Убираем букву «д», и смысл резко меняется. Нравится мне играть словами. Тем более я, не успев еще вам представиться, уже преставился. Причем по полной программе, вобравшей в себя такие действия, как испускание духа, склеивание ласт, отбрасывание копыт и прочая, и прочая. Короче говоря, я отбросил коньки, в смысле умер, спаси господи мою грешную душу.

Вот тут, с последним пожеланием, случился некоторый затык. Не привлекла моя душонка высшие силы, и спасителей не видать. Сдается мне, что оных мне и днем с огнем не

ыскать. Уж не знаю, чем сие вызвано, но ваш покорный слуга несколько недопомер. Узнать бы, какого райского (или адского) босса я разгневал при жизни... Никаких тоннелей после того, как моя душа покинула остывающее тело, передо мной не открылось. Ни ад, ни рай не проявили заинтересованности в сбросившей земные оковы тонкоэнергетической персоналии. Обидно даже. Вроде я не лысый и не рыжий. Вероятно, ангелы и черти не подбирают атеистов, хотя здесь есть свобода маневра. При жизни я верил в Господа, но не в тот канонический образ, вззирающий на нас печальными глазами с творений богомазов, а в нечто, существующее где-то в высших сферах, неизмеримо всемогущее и бесконечно мудрое нечто, оно же — высший разум, создавший вселенные и вдохнувший в них жизнь. Ага, мысль и слово материальны...

Что-то понесло меня в бескрайние дебри, да на «хилософию», как говорил мой дед, потянуло. Я с чего начинал-то? С представления! Во! К нему, родимому, разрешите возвратиться. Итак, Сергей Владимирович Сергеев, прошу любить и жаловать. Кто не понял — это я. Как-то сухо получается, не находите? Тсс... хотя мертвецу побоку мнение живых, но имеет смысл добавить тактико-технические характеристики к основным заявленным параметрам. Шатен с ярко выраженной рязанской физиономией, чуть-чуть разбавленной нордическим прямым носом и волевым подбородком, сто восемьдесят три сантиметра от тапок до кепки, тридцать пять лет песка времен, женат, две дочки-близняшки — Маша и Даша, менеджер среднего звена, специалист широкого профиля и мастер на все руки (нехилая реклама получается). Однако я так разошелся, что забыл добавить кое-что еще: «был». Да, был...

Знаете, я почти ни о чем не жалею, фиг там с женой и тещей, перебытуют как-нибудь без меня. А как теперь Машутка и Дашутка? Мои невесты на выданье... Девочки, в прямом смысле папины дочки... были... Радует одно — квартира и пухлый банковский счет оформлены по завещанию на девочек. Благоверная остается с носом, хватит ей выпитой из супруга кровушки и попорченных нервов.

Болит душа за дочек. Тела нет, а душа болит. Вроде бы чему там болеть-то? Нонсенс. Ан нет. Что еще добавить? Служил. Два года, как полагается, а не год, как некоторые.

Мотострелок, сержант запаса, военную кафедру в институте не посещал. Женился сразу после армии, *моя* вроде как ждала... особое внимание обращаю на словосочетание «вроде как». Наслушался я потом всякого-разного, доброхотов в России, любящих пополоскать чужое грязное белье, всегда хватало, но дочери — мои. Пять лет назад, после крупного скандала с женой и тещей, я сделал анализ ДНК. Я это не к тому, что сомневался в отцовстве, а к тому, что две взрослые дуры решили шантажировать меня тем, что я не отец девочкам, и грозились лишить дочек. Денег им мало было...

Ладно, проехали. Сегодня я умер. Как, спросите вы? Банально — под колесами автомобиля. Какой-то купивший права урод, не умеющий водить, не справился с управлением и вылетел на тротуар. Дочек я успел оттолкнуть и проследить взглядом, как они летят в сугроб, а самому спастись было не судьба. Удар. Из лопнувшего пакета во все стороны полетели мандарины и яблоки, на полет которых я с флегматичным спокойствием следил с высоты трехэтажного дома. Особое внимание эфирного вуайериста привлекло мертвое тело с дырой в черепе, образовавшейся в результате столкновения головы и острого угла бордюра, которое потихоньку отдавало тепло окружающему миру. Странно и страшно смотреть на умершего себя. Вроде как я стал нематериальной сущностью, но плюньте в морду тому, кто будет уверять вас, что способен без содрогания глядеть в глаза смерти. Именно силует дамы с косою мелькнул в моих мутнеющих и стекленеющих глазах. Мелькнул и пропал, на краткий миг я уловил чужое разочарование и твердое убеждение, что это не последняя наша встреча.

А молодой, лет восемнадцати, гаденыш в крутом прикиде, выбравшись из-за руля, заламывая руки и размазывая по морде сопли, носился вокруг машины, причитая, что папа его убьет... Больше всего разочаровывало равнодушие окружающих. Наверное, стоило умереть, чтобы на собственной шкуре прочувствовать неприглядность жизни. В нашем народе почти убили душу. Почему я так говорю? А вы сами подумайте и оцените картинку. Выходной день, центральная улица, толпы празднующейся публики, но почти никто не кинулся на помощь Даше и Маше, о себе не говорю. Вокруг места трагедии образовалась некая буферная зона с незримой грани-

цей, за которую люди предпочитали не переступить. Кто-то снимал наезд на телефон, кто-то равнодушно шел мимо. Лишь одна сердобольная дама трясущимися пальцами судорожно тыкала в кнопки, пытаясь вызвать скорую и полицию. Через минуту дочки отошли от ступора и попытались растормошить бывшее пристанище моей души, но я чувствовал, что возврат невозможен. Зависнув над плачущими девочками, я размышлял о странных параллелях. Расплывающаяся лужа крови подо мной и растекающееся масляное пятно под «ауди»...

Несмотря на страстное желание остаться рядом с девочками, пусть даже в виде бесплотного духа, я не мог противиться неведомой силе, которая подхватила меня, закружила и утащила в темноту. Тьма не была бесконечной, по внутреннему хронометру прошло минут двадцать и ко мне вернулось ощущение тела. Какого-то, скажу вам, неправильного тела...

ЭЙСА ПЕРВАЯ, которая повествует, кто такой Скайлс

Вопрос можно? Тишина в ответ. Ладно, по древней русской традиции приравниваю молчание к согласию. Вас когда-нибудь скрючивало в три погибели? Нет? Как вам повезло!

Не могу сказать подобного о себе. Знаете, нет ничего приятного, когда тебя выворачивает восьмеркой. Тройная степень загиба знаменовалась головой, засунутой куда-то в район задницы, а само новообретенное тело, обживаемое душой убиенного человека, было впихнуто в темно-серый яйцеобразный кокон. Краешек неуютного пристанища я смог чуток разглядеть левым глазом, правое же око, судя по объективным ощущениям, упиралось в левое бедро. Висеть вниз головой, на которую существенно давил зад, было несколько (это еще слабо сказано) некомфортно. Я попытался сменить положение, кокон качнулся, тело скользнуло по склизким внутренним стенкам тюрьмы, дав свободу зажатой черепушке. Хм-хм, пушистый северный зверек... то, что я разглядел двумя глазами, мне совсем не понравилось. Я действительно находился в каком-то яйцеобразном коконе. Интересно, ни-

какой паники от осознания своего незавидного положения я не испытывал, возможно, сказывался непрошедший шок от свидания с капотом «ауди», или я успел примириться с фактом отлета в иные измерения, но мысли в голове оставались кристально чистыми и не поддавались хаосу и смятению. Какая-то мыслишка скабрёзно скалилась и напевала строчку из песни Высоцкого про баобаб, намекая на свершившееся переселение души. Кормом для термитов мне не быть, и это радует, остальное переживем.

Так-с, вызывает антирес биологический процесс. Попробуем мыслить логически. Яйцо, о чем это говорит? Нет-нет, не надо вспоминать, что было первым — яйцо или курица. Лелею себя надеждой на реинкарнацию во что-нибудь, отличное от петуха или наседки. Любой здравомыслящий человек понимает и осознает незавидную перспективу сиротки с птицефабрики. Суп как завершающий штрих непродолжительной бессмысленной жизни, согласитесь, — перспектива не ахти. Чур меня, чур. Лучше уж вылупиться воробушком или ящеркой, на крайняк — черепашкой, говорят, последние до трехсот лет живут, если раньше их не сожрут. Закрыв глаза, я представил себя птицей, потом черепахой, крокодилом, закончил перебирать варианты на змеях. Ни один из них не понравился и не вызвал внутренней поддержки, а змеи так вообще отозвались неприкрытым отторжением. Офигеть... Если верить интуиции, предавшей меня не так давно, но слезно вымаливающей прощения, то в яйце — нечто среднее, производное из трех видов. Точно-точно — летающий крокодил, отбрасывающий хвост в случае опасности. А что? Помню один наш советский мультфильм, где птица высидела крокодилчика, который признал в ней маму и научился летать.

Идем дальше. Облизнувшись... Что?! Стоп машина!!! Не быть мне воробьем, ибо не могут пернатые облизываться и вычищать языком застывшую слизь из уголков глаз. Кстати, хоть убейте, не помню, у птиц, крокодилов и ящериц зрение бинокулярное? К чему вопрос? К тому, что новые зенки на сто процентов бинокулярные, за одним лишь исключением — угол обзора чуть-чуть больше человеческого. Вывод — воробья вычеркиваем. Круг претендентов сужается. Прини-

маем ставки, господа. Я не птичка, не свинья, угадайте, кто же я?!

Придя к некоторым логическим заключениям, ваш покорный слуга попробовал пошевелить конечностями. К удивлению, оных обнаружилось больше, чем ожидалось. Задние и передние лапы, хвост... У меня теперь есть хвост... На спине, позади лопаток, шевелились еще две то ли руки, то ли лапы. А может, я заяц из «Приключений барона Мюнхгаузена»? Не, не канаец, для зайца не хватает второй пары задних ног. И слава богу! Как представлю себя таким уродцем... брр!

В голове вертелся водоворот из десятков гипотез, даром, что ли, я перечитал десятки историй о попаданцах? Издержки профессии, так сказать. В стране не так много специалистов по наладке энергетического оборудования, релейной защите и противоаварийной автоматике. Россия — страна бескрайних просторов, объекты строительства раскиданы друг от друга на сотни и тысячи километров, в связи с чем мой общий налет часов на самолетах различных авиакомпаний мог соперничать с трудовым стажем пилотов и стюардесс. С некоторыми девчатами я был знаком и летал не один год. Постоянный клиент, как ни крути.

Когда коротаешь время на борту самолета или в аэропорту в ожидании рейса, планшетник становится твоим лучшим другом. Книжки и фильмы — вот первейшие спутники современного пассажира. Постоянные разъезды и командировки во все концы нашей необъятной родины подразумевали приличное вознаграждение в виде прямоугольных кусочков бумаги, украшенных водяными знаками. Не скрою, порою вознаграждения были офигенно «неприличными». Так уж повелось, что наш босс ввел две бухгалтерии, и перед своей законной половиной порою я выкладывал официальные «расчетки», суммы в которых были существенно выше средних зарплат по региону. О чем жена не знала, но, вероятно, догадывалась, так это о черном нале в конвертиках, в несколько раз превышавшем белую зарплату. Иногда «приработок» выдавали не нашими «деревянными», а другими, с мордами юэсэевских президентов. Левые «тугрики» аккуратно и скрупулезно складировались на рублевых и долларовых вкладах в «Сбербанке», делиться нажитым с женой и тещей у меня не было никакого желания. Хватит с них ветвистых

олених рогов на дощечке, которые я подарил благоверной на пятнадцатилетие свадьбы. Толстый намек на некие известные мне обстоятельства удачно пригодился для развешивания шапок в прихожей. Норковое манто, неизвестно на какие деньги купленное, неработающая жена вешать на рога отказалась. Что-то я о грустном. Та жизнь осталась в прошлом, впереди брезжит туманное будущее в виде экзотической зверюшки. Что оно мне несет?

Опа, это еще что такое? На мое убежище упала гигантская тень. Мамаша пожаловала? Эй-эй! Тень расплылась, на стенках появились черные пятна, как от лапы, — скорее всего, это и была лапа, схватившая яйцо. От резкой тряски я возмущенно зашипел. Точно не воробей, тот бы чирикал. Мой «домик» подбросили вверх, короткое падение с душой, ушедшей в пятки. Мамаша-наседка над своей кладкой так изгаляться не будет. Чует задница и хвост дрожит — хищники пожаловали. Печально, даже вылупиться не успел, уже сожрали. То-то смерть предрекала скорое свидание. Признаю, дама с косой умеет добиваться своего. О! Мое кожистое пристанище оставили в покое и больше не трясут, как погремушку. «Бу, бу, бу-бу-бу», — на несколько голосов слышу я. Гром звучит так, словно Илья-пророк перекачивает среди облаков пустые цистерны. Что-то знакомое. До боли знакомое, таким громыханием отдаются крики жены в похмельной голове. До дрожи в кончике хвоста надеюсь, что это не она. Черт, уютный домик кажется таким тесным, а я чувствую нехватку воздуха. Спертая атмосфера внутри давит на легкие и обоняние, так и задохнуться недолго. А-а-а! Задыхаясь, я ударил по упругой стенке головой, еще раз, и еще. Рябая монолитная поверхность сморщилась и пошла складками. Яйцо, чавкнув, раскрылось лепестками, и я вывалился наружу.

Обалдеть... Джек в стране великанов. Роль Джека исполняю я, а три великана склонились над широкой ровной поверхностью, кажется, это стол, и вперили в меня любопытные, полные ожидания детские взгляды. Да-да, вы не ослышались, над столом склонились трое ребятешек. Два вихрастых пацана хитрящей проказливо-разбойной наружности, которые с двух боков подпирали светловолосую голубоглазую девочку, удивительно похожую на моих близняшек, оставшихся в другом мире. Ребятня чего-то ожидала. Не

знаю, чего они хотели, но рыжеволосый конопатый пацан, расположившийся слева от девочки, что-то сказал своей подруге и протянул ко мне руку, больше похожую на взлетную площадку вертолета. Нутром-то я знаю, что это не рука такая большая, это я такой маленький, но легче от этого не становится. Фу-у-у, обрыгаться и не встать, бомжи вокзальные — и те приятней пахнут. Он грабли мыл, прежде чем в меня ими тыкать? Воняет, как от помойного ведра, забитого протухшим чесноком. Подавшись назад, я угрожающе зашипел. А нечего трогать новорожденных зверушек вонючей антисанитарной пятерней. Парень не внял предупреждению и попытался сграбастать мое тельце. Ах так! Не осознавая последствий, я вцепился зубами в вонючий мизинец.

— Бу-бу-бу! — взревел рыжеволосый монстр и яростно потряхнул рукой.

От резкого рывка меня оторвало от располованного пальца и подкинуло в воздух. Совершив кульбит, я плюхнулся на вовремя подставленные ладошки девочки. Малышка пахла не в пример приятнее. От ее рук исходил аромат свежеспеченного хлеба и кваса. Для острастки шикнув на пацанов, я пулей юркнул в широкий рукав зеленого, старинного покроя платья из тонкого сукна.

— Бу-бу-бу, — обиженно заверещали вихрастые мучители.

— Бу-бу, — спокойно ответила девочка. Через ткань меня нежно погладили по спинке. Юная красавица осторожно прижала мою тушку к груди и что-то ободряюще зашептала.

Понятно, обещает не дать в обиду, оградить от охламонов и быть доброй хозяйкой, мамой, папой и сестрой в одном лице. Только дурак от такого будет отказываться. Такую мелочь, как я, любая кошка сожрет и не подавится. Если еще кормить будут не объедками, то почему бы не побыть домашним питомцем? Пацаны доверия не внушают, сам такой был — знаю, а девочке, чувствую, можно довериться.

— Скайлс, не дер... не дергайся, кому сказала!

Хлоп, и тяжелый палец хозяйки зарядил мне по затылку.

Эй-эй, осторожней! Так и рога переломать недолго.

— Р-р-р! Ш-ш-ш!

— И не пререкайся! Посмотри, какая красота!

О боже мой, задушишь же! Дура, ослабь бант!

— Подожди, дай бантик подтяну.

Нет, стой, ты же мне глотку и шею передавишь! Ой, мама, в глазах темнеет, умираю...

— Х-р-р, х-р-р, ш-ш-ш...

Умер. Выпустив из ноздрей тоненькую струйку дыма, я падаю на спину и поджимаю лапки, голова на длинной шее, которую перехватывает здоровенный шелковый бант золотистого цвета, безвольно свисает вниз с края косметического столика.

— Скайлс, встань. Ну хватит изображать студень, Скайлс!

Взывания к совести пролетают мимо ушных отверстий. Попытки реанимировать тоже не приносят успеха. Ага, Лилина пытается соскрести мое тельце со стола. Упорная девочка. Изображаю собаку без костей, меня подхватывают на руки. Шесть месяцев назад ладонь хозяйки казалась ощущимо больше. Создавалось впечатление, будто тебя катают на вертолетной площадке. Нынче девичья длань мала для подросшей зверушки. Хвост и шея с головой, словно Аляска с Гренландией, обмякшими сосисками свисают с боков.

— Скайлс!

Тридцать пять лет уже как Скайлс. Что ты творишь, что творишь? Хватит! Я так не играю, не надо меня трясти словно яблоню. Драконы не кони, яблоками не кидаются, но нагадить могут. Это я с превеликим удовольствием. Вот неугомонная, ты же из меня всю душу вытрясеешь.

— Р-р-р, ш-ш-ш!

Бум! Легкий (по человеческим меркам) щелбанчик прилетает в мой многострадальный лобешник. Искры из глаз. Лилина разозлилась. Леди, кто так обращается с домашним животным?

— Живой, значит. Оставлю без мяса, понял?

А вот это запрещенный прием, хозяйка лупит ниже пояса. Чует мой хвост, Жулия успела напеть маленькой госпоже о том, что ее питомец вновь был замечен на подконтрольной толстой кухарке территории. Темнокожая разбитная толстуха напоминала мне Женуарию из старого бразильского сериала про рабыню Изауру. Только телевизионная негритянка слыла добрячкой, а местная кухонная властительница любой мегере сто очков вперед даст. Тварь злобная! Ходячая гора жира. Как я ненавижу и ее саму, и ее полотенце, которым с

пугающей периодичностью огребаю по полной программе. Ума не приложу, как эта бочка на ножках умудряется бесшумно передвигаться? Толстуха — тайная магичка, не иначе. Тогда становится понятной сверхъестественная способность главной кухарки возникать из ниоткуда и охаживать нарушителя мокрым полотенцем. Выбеленный кусок материи — это еще один невыясненный секрет толстой бабищи. Где и когда ей удастся намочить его? Нелюбовь у нас взаимная, ни разу не слышал от толстогубой гадины ни одного доброго слова. Не понимает, курица тупоголовая, что борьба с инстинктами идет с переменным успехом. Вроде давишь наследие хвостатых предков, давишь, загонишь в угол, но стоит расслабиться, как хозяйка вскрикивает из-за того, что ты пулей сорвался с ее колен, стоило лишь заслышать мышинный писк в темном углу комнаты. Потом приходится словно мантру повторять: «Драконы не ловят и не едят мышей. Драконы не ловят и не едят мышей». На личном опыте и примере выяснил нелицеприятный факт конкурирования летающих тварей с приземленными кошками. Драконы и ловят, и едят мышей, лопают кузнечиков, бабочек, воробьев... цыплят... Правда, от кочета потом приходится сматываться. Нет ничего слаще, чем вытянуть из-под несущки еще теплое яйцо, разгрызть скорлупу и выпить содержимое. Давно зубы чешутся перегрызть какой-нибудь курице горло и напиться крови, но усилием воли сдерживаю инстинктивные порывы. За работу хорька можно огрести пинком под хвост. Да и хорошо, если только это. Хозяин курятника вмиг свернет башку гаденышу, то есть мне.

— Ш-ш-ш.

— Не шипи, кому сказала!

Ух ты, Лилина решила показать характер и зубы — длинные ядовитые клыки. Конечно, я утрирую и возвожу напраслину на девочку: ей далеко до змей, и зубы вполне человеческие, но некая общность с пресмыкающимися гадами присутствует.

Мне ли ты говоришь не шипеть, с твоим-то змеиным характером? Еще укусишь и отравишь! Э-э-э, о чем ты думаешь? Я начинаю бояться ее предвкушающей улыбочки. Чё это она задумала? Заранее не хочу и не участвую. Найн, ниht, Баба-яга против!

— Слушай, мне так нравится твой бантик! — медовым голоском пропела эта неугомонная егоза. — Не хочешь на шею, перевяжу на хвост, будешь девочкой. Это так мило, прямо ю-ниан!

Что творится, люди добрые! Акселерация захватывает миры. Девочке сегодня исполняется двенадцать лет, но она уже такая ядовитая опасная змея, что просто жуть берет! Куда катится мир? Черт подери, ведь перевяжет, с нее станется. Ю-ниан ей подавай. Поясняю для тех, кто не в теме: ю-ниан — синоним земных няшки и кавая. Няшки проникли к нам из Японии, здесь тоже есть свои островитяне.

— Слушай, а может, тебе еще и кукольный паричок надеть? Тогда ты вообще будешь дракончиком со смертельным шармом. Такой красавец! К нам через год очередь на вязку выстроится.

«Да ты с ума сошла!» — хотел сказать я, но из горла опять вырвалось короткое «ш-ш-ш». Драконы не попугаи, говорить не могут, а то бы я высказался... Значится, в полтора года я стану половозрелой особью. Секс с ящерицами? Брр, подруга, в своем ли ты уме? Хотя не зарекайся, крылатый. Инстинкты — страшная штука, от гормонов может запросто снести крышу, придавит так, что любой зоофилии рад будешь, тем паче не стоит шутить с инстинктом продолжения рода.

— Опять шипишь? Накажу. Твое счастье, у меня нет парика. Жаль. Арбузик будешь? Ай! — Она вовремя отдернула палец от моих зубок, челюсти клацнули вхолостую.

Ты бы еще сена предложила. Сами арбузами давитесь. Мясачочу. Очень. На худой конец сойдут кузнечики. Корзина кузнечиков. Полузгаю вместо семечек. Во-во, вот тебе, родимый, живое свидетельство жесткого сращивания человеческого разума и животного начала. Забыл, в чьей шкуре находишься? Съел? А еще ты вылизываешься, будто кошка. Яркий пример, когда бытие определяет сознание.

— Скайлс, не будь буквой, мама извиняется. Ты же хороший мальчик. Скайлс — хороший мальчик. Скайлс — хороший мальчик? Это Скайлс-то хороший мальчик?

Она еще издевается. Мало ей того, что делает из грозного зверя посмешище. Укушу!

— Ну что ты рожицу соорил? Что бы понимал?! Ну хватит, я сейчас засмеюсь из-за твоей оскорбленной мордашки!

И она засмеялась. Смех у нее был кристальный и искренний, приносящий радость и счастье тому, кто его слышит. Это и чувствовал дракончик в моем лице.

«Пожалуй, надо научиться строить смешные мордочки», — решил я, слушая смех девчонки.

— Ладно уж, время пришло. Идем, мой рыцарь с бантом! — сказала Лилина, подставляя плечо. Выпустив дымное колечко, покорно перебираюсь на кожаный наплечник. — Представлю тебя высшему обществу.

Нет, помилуй, хозяйка. Твою зверушку затискают и заślinявят. Господи, лучше бы я достался Скаму. Чувствую, рыжеволосый, конопатый охламон, которому я вцепился в палец, прихлопнул бы меня в отместку в первый же вечер, зато я не мучился бы. Ведь помнил же, как изгалялись мои дочурки над Васькой, наряжая кота в различные одежды или заворачивая усатого-полосатого в пеленки, но в тот момент голос разума молчал и выбор был совершен в пользу Лилины.

Сегодня девочка празднует двенадцатый день рождения. Двенадцатилетние здесь не просто очередная дата в жизни подрастающего поколения. В двенадцать наступает «рубеж согласия», когда отроки признаются взрослыми и им разрешается заключать помолвки. Родители именинников зачастую именно в сей знаменательный день сговариваются о будущих брачных союзах, а вчерашние дети закрепляют согласие «венчальным поцелуем» — клятвой хранить девственность и верность друг другу до семнадцати лет. В семнадцать лет стороны еще могут по тем или иным причинам расторгнуть помолвку, если этого не происходит, то невеста торжественно передается в род мужа. Иногда случалось обратное. Когда дева оказывалась выше по статусу, чем жених, то будущий супруг покидал родительский род и числился после этого мужем-регентом без права наследования. Титул переходил к детям.

Лилина направлялась на смотрины. Общество собралось внушительное. Дочка потомственного дворянина, сотника королевской гвардии, лица, приближенного к правящей особе, мецената, к тому же не самого последнего дельца и денеж-

ного мешка (первая десятка толстосумов точно), была лакомым куском и заманчивым призом. Посему в поместье баронов Лера (с ударением на «а») собрались настоящие сливки общества. Сливки притащили с собой «сметанку» — напомаженных отпрысков мужеского полу, перешагнувших заветный рубеж. Интрига обещала закрутиться нешуточная. Ко всем прочим достоинствам юной баронессы прибавлялось и то, что она прошла проверку на наличие дара в Имперском университете, где у нее выявили талант к магическим искусствам, что автоматически повышало ее ценность как невесты и будущей жены до заоблачных высот. Магов не так много, и каждый из них ценится на вес золота. Адепты, проводившие проверку, по силе приравнивали девочку к второй ступени, что было очень и очень неплохо. К концу обучения она имела все шансы получить синий пояс третьей ступени, а лет через двадцать практики — и красный браслет четвертой. Всего ранговых ступеней было пять. Не ранговыми считались архимаги, но тех можно было по пальцам пересчитать. В жизнь простых смертных они не вмешивались, предпочитая вести уединенное существование на краю мира, где их никто не отрывал от экспериментов. У барона были все основания для будущего торга.

«Утренняя звезда» — так переводится имя девочки, приютившей мелкого антрацитово-черного рурга. Жители Реи называют драконов рургами — «огнедышащими». Так-так, дабы никого не утопить в море информации, поясню. Рея (в переводе «мать») — это название мира, в котором мне посчастливилось очутиться в образе крылатого домашнего питомца, не скажу, что всеобщего любимца, на это есть свои объективные причины, но не будем о грустном. На планете, если я правильно понял лекции профессора Тлару, которые прослушал, сидючи на плече хозяйки или на ученической парте, — три больших континента и множество крупных и мелких островов. Два северных материка более и менее обжиты, зато джунгли южного, самого крупного, продолжают исправно и безвозвратно поглощать многочисленные экспедиции. Дикий край, одним словом. Общее развитие цивилизации аборигенов оценивалось мною на уровне восемнадцатого — девятнадцатого веков, за одним маленьким исключением — огнестрельное оружие на Рее так и не нашло широко-

го применения. Вероятно, сыграло роль наличие магии и способность адептов тайного искусства воспламенять порох на расстоянии. Навешивание дополнительной защиты на ружья, пушки и пищали не делало их применение эффективным, так как стрелкам перед открытием огня требовалось предварительно снимать наложенные заклинания. Что это влекло за собой, вы должны прекрасно понимать. Порох становился доступным для ворожбы вражеских магов...

Судьба-злодейка вложила мою душу в тело вылупившегося дракончика, или, на местный манер, рурга, и отдала заботу о «птенце» в ласковые руки Лилины. Конечно, я брюзжу, что девочка изгаляется над неожиданным питомцем, но могло быть и хуже, гораздо хуже. Повидал я, на свою рогатую голову, как пацанва издевается над моим зеленым, размером с кошку, сородичем. Бедняге привязали к задней лапе веревку, и когда тот попытался улететь, его расстреляли из рогаток. Лилина с подругами тогда прогуливалась по набережной Наи, широченной реки, протекающей через всю территорию королевства Дитар и разделяющей одноименную с королевством столицу на две неравные части. Стайка девчонок стала свидетельницей жестокой забавы. Девочки сумели прогнать мучителей, но помогать зеленому было поздно. Меткий выстрел камнем размозжил бедняге голову. Как мне тогда было плохо! Разгулявшаяся фантазия быстро нарисовала жуткие картины. На месте зеленого собрата при иных обстоятельствах мог оказаться его черночешуйчатый сородич, который сейчас восседал на кожаном наплечнике, нашитом на платье белокурой девчушки. Пару раз, в прежней жизни, я становился невольным свидетелем забав над беззащитными котятками или щенками. Васька, кстати, — одна из жертв юных садистов. Он был с руганью и матами вырван из рук дворовых ребят и принесен домой. Дочки больше месяца лечили опаленный зажигалками бок котенка и осмоленные кончики ушек. Казалось бы, обычные мальчишки, с мамами, папами, из благополучных семей, но какая-то неправильная была у них шкала ценностей, и нечто важное так и не проклюнулось в черствых душах. Настоящим потрясением было увидеть, что и местные сорванцы ведут себя аналогично. То еще удовольствие, скажу вам, жить в шкуре беззащитного зверька. Я тоже не ангел, приходилось мне топить котят и

скот собственноручно забивать, но мучить ради забавы... Отец бы, узнав о таком, быстро бы ремнем разуму научил. Люди везде одинаковы, старый ли мир, новый ли.

— Здравствуй, доченька! Какая ты у меня сегодня красавица! — Голос барона, в котором проскальзывало неподдельное восхищение, вывел меня из раздумий о несостоявшейся горькой судьбе.

Лилина, предпочитавшая дома ходить в штанах мужского покроя из крепкой ткани и любившая тренировки с ножами и заборы усадьбы, а не занятия рукоделием, не часто доставляла отцу удовольствие видеть себя в платье. Скажу честно, наряд вызвал бы обильное слюноотделение и зависть у любой модницы середины девятнадцатого века и чрезвычайно шел юной красавице. Сшитое из шелка нескольких цветов и вобравшее в себя целую гамму оттенков синего и голубого, платье прекрасно сочеталось с белоснежным жемчугом на изящной шейке девочки. Сапфиры, нанизанные на тонкие нити и вплетенные в волосы, оттеняли морскую голубизну глаз. Даже наплечник для дракона был подобран в тон к платью, и только я черной кляксой с несуразным бантом выделялся на плече юной чаровницы, как седло на корове.

— Спасибо, отец, — порозовев, Лилина присела в книксене.

— Ты все же решила взять Скайлса с собой? — изогнув бровь, недовольно спросил барон.

— Папа!

— Хорошо, это твой день, пусть будет по-твоему, — пошел на попятный отец, знавший ее упертость и явно решивший не доводить дело до перепалки.

Черных дракончиков, как и архимагов, можно пересчитать по пальцам одной руки. Такая вот мы редкость. Зеленых и синих летунов — пруд пруди, а красные, черные и золотые — эксклюзив. Думаю, барон решил: раз девочке хочется пофорсить перед сверстниками, пусть, ведь мелкие слабости не угрожают престижу семьи.

— Спасибо, папа, — изображая примерную дочь, Лилина сделала второй книксен. Барон лишь усмехнулся.

За шесть месяцев проживания бок о бок с бароном и его семьей я очень хорошо научился разбираться в чувствах сурового сотника. Сажу Лера безумно любил собственную

дочь, умудряясь балансировать на грани и не срываться в слепоту потакания любым прихотям ненаглядного чада. Дочка воспитывалась в строгости, подобающей юной леди из высородного дома. В одном лишь барон допустил ошибку, разрешив ей заниматься с братцем. Лирт Лера — охламон и кореш рыжего задиры, наследовал титул, земли и место в королевской гвардии. Что за рыжий задира, спросите вы? Так Скам, сын одного из сослуживцев и ближайших друзей барона и есть эта выдающаяся личность, он же заводила всех детских игр и главный районный пакостник, он же укушенный мною за палец наглый индивидуум.

Лилине военная карьера не грозила, но дочери купцов (а барон в силу обстоятельств занимался еще и торговлей) обычно получали некоторые свободы, посему маленькая лисовинка¹ уломала наставников брата учить ее бою на ножах и стрельбе из лука и арбалета. Непременно пригодится, леди нынче должны быть зубастыми, разбойников на трактах развелось... плюнуть некуда. И куда только его величество смотрит? В науке обращения с колюще-режущим железом, по моим субъективным прикидкам, она старшего наследника оставила далеко позади.

Так вот, возвращаясь к рассказу. Повторюсь, мне несказанно повезло попасть в дом барона Сажу Лера — гвардейского сотника, потомственного дворянина, орденосца и купца Первой Королевской гильдии. В купеческое сословие Сажу влился благодаря женитьбе на матери Лилины, папашка которой мечтал выбиться в высший свет. Сидевший на мели баронет Сажу ухватился за предложение купца. Достаточно сказать, что никто из них не прогадал. Дед Лилины по материнской линии благодаря удачному замужеству дочери сумел хапнуть несколько королевских контрактов на армейские поставки, а барон, получивший финансовые вливания, раскрутил собственный торговый дом и подмял под себя значительный сегмент рынка внутри и за пределами королевства. Не знаю, какой из него сотник, но предприниматель из дворянина получился отменный. Тот еще прохвост и пройдоха. Своего никогда не упустит.

¹ Лисовинка — хитрая лисичка.

Откуда я все это знаю? Надо чаще присутствовать на переговорах барона, которые он предпочитает вести в своем защищенном от прослушивания кабинете. Конечно, первоначально я понимал далеко не все, сказывалось элементарное незнание языка, но великолепная, можно сказать эйдетическая память помогла справиться с трудностями. Спустя три месяца после «усыновления» я достаточно выучил тарийский, чтобы понимать, о чем говорят местные. Сказывалось полное погружение в среду и, как говорилось выше, феноменальная память — бонус нового тела. Лилина частенько таскала питомца в школу, где носителей языка было пруд пруди. Ваш покорный слуга всегда старался быть в гуще событий как в школе, так и в поместье. Я никогда не пропускал званных вечеров и тайно присутствовал в приемной зале во время визитов гостей. Мелкому гаду проще простого найти укромный уголок или затаиться на потолочной балке. Давно известна простая житейская истина — хочешь выжить, держи уши открытыми, а нос — по ветру.

Следуя сему нехитрому принципу, можешь избежать многих ловушек, а можешь накликать неприятности, тут как кости лягут. Как-то раз, около двух месяцев назад, пробравшись в кабинет барона, я затихарился на книжных шкафах. Сажу ждал какого-то клиента. Каково же было мое удивление, когда в гости к нашему купцу-дворянину заявился маг четвертой ступени. Крепкий широколицый пепельноволосяый мужчина с широченными плечами, мускулистыми руками и бородкой а-ля старик Хемингуэй больше походил на опытного воина-мечника, чем на мага, и лишь широкий браслет из красного металла на левом запястье подсказывал, что одно другому не мешает. Я приготовился к интересному разговору и чуть не рухнул со шкафа, когда визитер после положенных по этикету приветствий спросил барона:

— Уважаемый Сажу, вы уверены в конфиденциальности нашего разговора?

— Точно уверенными в чем-либо могут быть лишь боги, да и то не всегда. Я, господин Рист, могу лишь гарантировать, что предпринял все возможные меры для сохранения приватности наших бесед. Если вы видите брешь в защите, буду вам премного благодарен и не останусь в долгу, если вы на

нее укажете. — Скупно улыбнувшись уголками рта, барон развел руками.

Маг хмыкнул и щелкнул пальцами. Неведомая сила сорвала меня с облюбованного насеста и, несмотря на мое отчаянное сопротивление, выразившееся в бесполезном махании крыльями и паническом клекоте, потащила к письменному столу.

— Занятный рург. Чей он?

— Питомец Лилины, — ответил барон. — Яйцо неизвестным образом попало в партию товара с южного побережья. Приказчики отдали его детям. Рург прошел импринтинг с дочкой.

— Вынужден вас огорчить. — Маг, избежав моих зубов, ловко схватил меня за голову и принялся пристально осматривать. — Рург не прошел импринтинг и не запечатлен, как был, так и остался диким. У него на лбу отсутствуют ромбовидные чешуйки, а глаза — желтого цвета, хотя должны были после установления ментальной связи стать голубыми, как у вашей дочери. Когда он вылупился?

— Чуть больше четырех месяцев назад.

— Теперь его уже не инициировать. Однако, уважаемый Сажу, занятный питомец у вашей дочери.

— Чем же? — проявил интерес барон, подавшись вперед.

— Вы не можете видеть, но аура у твари слишком плотная и яркая, очень необычная. Как он себя ведет?

— Таскается везде за Лилиной.

— Везде? Тогда что он делает в вашем кабинете?

— Ловит жуков-древоточцев и книжных червей, я его не раз заставлял за этим занятием.

Слава драконам, сработало прикрытие, не зря я шарился в пыльных фолиантах и гроссбухах, создавая образ поедателя насекомых. Нет, от магов следует держаться подальше. Целее хвост будет.

— Дай боги, чтобы вы оказались правы. Меня смущает насыщенность ауры твари. Не бывает такой у неиницированных рургов, да и инициированные подобной похвастать не могут. Можете отдать его мне? Хотелось бы поковыряться и понаблюдать.

Я вжался в столешницу. Все, хана пришла.

— Боюсь, что за подобное Лилина сожрет меня с потрохами, не хочу расстраивать дочь, — ответил барон.

Фу-у-у, отлегло, прямо гора с плеч.

— Воля ваша. Девочке повезло, что дикий рург без запечатления выбрал ее хозяйкой, но будьте осторожны, неизвестно, что может прийти ему в голову. Ментального поводка у него ведь нет. Наверняка хитрая тварь?

— Бестия еще та. — Сажу расплылся в улыбке. — Жулия вечно жалуется. Он постоянно ворует на кухне мясо. Одним богам известно, каким образом этот мерзавец умудряется проникать за охранный контур.

— Советую купить рабский ошейник и переделать его под рурга.

— Он тогда с голоду сдохнет, ошейник не даст ему охотиться. Задушит.

— Смотрите сами. Я вас предупредил.

Маг подхватил меня за хвост, открыл дверь и выкинул в коридор. Получив ускорение, я смачно вмазался в стену, звучно клацнули челюсти, а на пол полетели выбитые зубы. Тварь! Сглотнув солоноватую кровь и сплюнув на пол белые осколки зубов, пострадавших от столкновения с кирпичной кладкой, я ощупал языком кровоточащее небо и «пеньки». Нарычавшись и нашипевшись в адрес мага, я порскнул в сторуру детской.

Ничего, зубы отрастут быстрее, чем у акулы, проверено, а тебя, гад такой, я запомню. Я не злопамятный, но злой и на память не жалею. Отомщу и забуду. Запах мага врезался в мозг неизгладимым следом американского астронавта на лунной поверхности. В этот день кудесник с красным браслетом четвертого ранга пришел в сапогах. Можно сказать, повезло ему. Расскажу вам о местном обычае. Когда гость приходил в сапогах, он омывал их в специальной ванночке у порога и не разувался. Люди, предпочитавшие ботинки или короткие полусапожки, оставляли их в обувном углу и ходили по дому в своеобразных деревянных тапках-босоножках. Почему так, а не иначе, — тайна за семью печатями. Ну что ж, драконы — твари терпеливые, будет и на моей улице праздник, а в ботинках мага — туалет...

Эх, скольких кошек любопытство сгубило, не счесть. Сдается мне, я буду первым драконом, пополнившим ряды за-

губленных хвостатых. Кстати, после этого я три недели не со-
вался в хозяйский кабинет, потом, правда, нашел удобный
ход через вентиляцию... Лаз, конечно, очень и очень хорош,
но не стоит забывать о магах. Из-за этих всезнаек пришлось
озаботиться несколькими вариантами прикрытия. С тех пор
я всегда таскал на «ходки» полупридушенного мышонка.
Чуть что — мышшь в пасть, и вот он — дракон-герой, избавляю-
щий поместье от нашествия грызунов. Виват, виват! Прока-
тывало на «ура», фанфары и аплодисменты драконьему пле-
мени, только Жулия, стерва такая, не велась на фокус, про-
должая гонять нарушителя охранного контура кухни мок-
рым полотенцем. Планида, видимо, у меня такая, изображать
прихлопнутую газетой муху. Обидно, да.

— Скайлс!!!

А?! Что?! Возмущенный окрик Лилины вырвал меня из
страны грез и воспоминаний, пинком под зад водворив в су-
ровую явь. Ох, нельзя мне терять нить действительности, ни-
как нельзя. Пока человеческое «я» шарахалось по закоулкам
памяти, оставшееся без присмотра тело мелкой зубастой тва-
ри принялось жевать синюю ленточку, вплетенную в волосы
девочки. Выплюнув обслюнявленную деталь туалета, я со-
строил морду кирпичом и попытался сделать отрешенный
вид, мол, я не я и кобыла не моя. Не прокатило. Обгрызенная,
мокрая и пожеванная лента повисла гадкой мертвой змеей,
портя весь праздничный вид. Лилина, остановившаяся на-
против ростового зеркала, возмущенно пыхтела и грозилась
карами небесными, в уголках глаз девочки заблестела влага.
Нехорошо получилось, однако. Пытаясь найти выход из по-
ложения, я моментально перегрыз ленточку, схватил ниж-
ний кусок лапками и быстро выплел его из косицы, верхний
слетел сам. Сильный шлепок сорвал меня с плечевого насес-
та. Опять стена. Сколько можно! Зашкрябав когтями по ма-
терчатой обивке стеновых панелей, я свалился на пол. От
звона внутри черепашки совершенно невозможно было рас-
слышать, что кричит разозленная, возмущенная и однове-
ременно расстроенная до глубины души хозяйка.

— Тупая скотина! — пробилось наконец через вату и не-
прекращающийся звон. Темно-синяя, усыпанная жемчугом
туфелька бесцеремонно отмела мелкое крылатое тело за бо-

льшую кадку с фикусоподобным растением. — Сиди здесь, тут тебе самое место!

Образно говоря, мною вытерли пол. Воистину, человеческая неблагодарность не знает границ. Для меня было настоящим испытанием узреть чуть ли не моментальный переход добросердечной уравновешенной девушки в состояние злобной мегеры. Между тем, пока моя пасть словно ковш экскаватора загребала пыль и мелкий мусор, валяющийся у цветочной кадки, я успел оценить результат подсознательного озарения и первого опыта на ниве парикмахерского искусства и создания причесок. Распушенная косица высвободила три волны вьющихся локонов, которые удивительно гармонировали с остальной прической, придавая образу моей маленькой хозяйки законченность. Теперь Лилина была похожа на юную кокетливую соблазнительницу.

Прооравшись и чуть успокоившись, Лилина ошарашенно замерла, оценивая новый вид, открывшийся ей в посеребренной поверхности медного зеркала. Постояв так с минуту, она накрутила один из локонов на палец, после чего заправила его за ушко, тем самым добавив прическе легкой небрежности, свойственной обворожительным разбойницам.

— Скайлс, — позвала хозяйка, обеспокоенно заглядывая за кадку в поисках питомца, но того на месте не оказалось.

Что я, похож на дурака, что ли, который будет покорно дожидаться экзекуции? Разогнались, притормозить не забудьте. На сегодня я свободен, аки ветер в поле, тем паче у меня появился железобетонный повод слинять с неприятного мероприятия и не сидеть на плече Лилины. Никто не осудит тварюшку, испугавшуюся хозяйского гнева. Виноватым я себя не чувствовал, в отличие от той же хозяйки. Кроме того, в побеге был значительный скрытый смысл и немалый меркантильный интерес. Зная Лилину и ее отходчивый характер, я предполагал, что она попытается вернуть мое расположение, используя для достижения оного самые лакомые кусочки, которые только можно найти в ближайшей к помещению мясной лавке...

— Скайлс! — повысила голос Лилина, оглядывая пустой холл в поисках меня любимого. — Выходи, Скайлс! Скайлс!

Кричи-кричи, меньше руки и ноги распускать будешь. Затаившись на потолочной балке, я и не думал спускаться вниз.

Нет меня, был и весь вышел. Признаю, я циничная, беспринципная сволочь. Скажете, я не прав? Лучше сразу настроиться на это, чем потом вкушать горечь разочарования. Я жесток прежде всего к себе.

— Лилина, ты задерживаешься и заставляешь ждать гостей!

О, явилась, не запылилась. Спешу представить. Миражана Лера — мать Лилины. Высокая, длинноногая пышногрудая золотоволосая красавица с правильным овалом лица и темными омугами синих глаз, обрамленных черными опахалами ресниц. Но эта небесная синь редко кому отсвечивала теплом, чаще в ней мелькал стратосферный холод. Жена Сажу была ходячей глыбой льда, перед которой андерсоновская Снежная королева — всего лишь девочка на побегушках и черносoshная крестьянка. Миражану по праву называют Ледяной Принцессой. Не знаю, как с такой вымороженной мамашкой Лилина сумела сохранить необычайную теплоту души, хотя девочку изредка прорывало.

Кхе-кхе, извиняюсь за интимные подробности, в постели баронесса Лера — абсолютная противоположность демонстрируемому на публике образу, и совсем не муж подкидывает уголек в топку ее страсти, так что ее благоверный — тот еще олень. Сажу знает о рогах, он сам не ангел и увлеченно мстит жене за измены, но между тем супруги всегда действуют в одном финансовом и политическом русле. Миражана сколько угодно может презирать мужа, которому ее, откровенно говоря, продали, словно кобылу, и получили гешефт, но она никогда не будет действовать во вред роду и семье. Купеческой дочери не позволили быть с любимым человеком и загнали под венец с нелюбимым. Пусть девочки из торгового сословия обладают большей свободой, чем те же дворянки, но воля отца для них священна. Поначалу новоиспеченную баронессу высшее общество и аристократия не приняли либо приняли, но в штыки. У многих семей были виды на перспективного холостяка, финансовые проблемы которого делали его для некоторых еще более желанным, поэтому «базарная» выскочка с первых дней натолкнулась на молчаливую стену неприятия и презрения.

Пока барон завоевывал финансовые рынки и приумножал женино золото, она потихоньку сводила знакомство с

дворянками из высшего света. Вы спросите, что может быть общего у людей из разных сословий? Ответ прост — деньги. Многие леди, крутившие мужьями, словно бубликами на пальцах, сами не понимая как, неожиданно оказывались на краю финансовой пропасти... Дамы, подгоняемые нуждой, засунув гордость куда подальше и затюкав ногами презрение, шли на поклон к «купчихе». Миражана, с согласия мужа, ссужала сплетницам определенные суммы. Порой, опять же, с разрешения барона, она списывала долги, взамен получая леди, обязанных ей до гроба. Связанные обещанием «ночные кукушки» принимались активно вдалбливать своим сильным половинам то, что было на руку благотельнице.

Прошло несколько лет, чванливые дворянки и содержательницы салонов попали под влияние хитрых баронов, влившись в их шпионскую сеть. Желавших поменять финансовую яму на долговую во все времена трудно, почти невозможно сыскать. Свитки ссудных договоров с магически заверенными подписями под суммами были надежным гарантом верности и бескрайней лояльности. Если Сажу больше тяготел к торговле, то Миражана с блеском освоила искусство плетения интриг, отдавшись ему со всей страстью. Родив мужу наследников, баронесса пригласила мага и «затворила» чрево. Долг перед своей половиной она исполнила... Воспитанием детей занимались барон Лера, многочисленные служанки и наставники.

— Подождут, не переломятся, — буркнула девочка. — Это мой день рождения.

— Тем более нельзя заставлять гостей ждать. Они пришли поздравить тебя, а ты проявляешь к ним неуважение. Подумай об этом. Какое впечатление ты произведешь на возможного суженого и его родителей?

Лилина неопределенно пожала плечами.

— Замечательная прическа, дочь. Работа мэтра Портона? — сменила тему мать. — Папа пригласил его?

Мамаша у нас с легкостью переплюнет самый черствый сухарь. Тварь бездушная... По сути дела, сейчас родители бросили дочку на растерзание стаи голодных шакалов. Высшее общество? Ага, как же! Клубок ядовитых змей. Шакалы все же поблагодарней будут, не стоит зазря обижать приличных падальщиков.

Я огородами почапал в бальную залу, приспособленную для светского раута и приема гостей. Прямого хода не было, но настоящим героям и семь верст не крюк, дракончики не исключение. На что нам вентиляция? Вот и я о том же. Тайные тропы поместья исследованы до последнего закоулка и выбиты на карте памяти как на скрижалях. Сколько крыс я там передал... не пересчитать, иным и за меньшие геройства памятники ставят. Мечты-мечты... Тут приходится собственной тени хорониться, не до памятников и монументов. То кухарки бешеные, то сумасшедшие маги! Плюнуть некуда, чтобы не попасть в какого-нибудь юродивого.

Вот и зала. Что тут у нас? У-у-у, что творится, люди добрые! Видел я павлинов, но чтобы столько за раз... От пестрых вычурных праздничных одежд отпрысков знатных семейств рябило в глазах. Мир определенно сошел с ума. Разве можно так издеваться над детьми? Мрак и ужас, по сто одежек на бедных, не представляю, как они еще не спарились. В зале и так воздух далеко не свежий, чую, через час от запаха пота и духов, источаемых преющей публикой, будет резать глаза. О, нашлась умная душа, кто это? Прислуга распахнула настежь высокие двустворчатые окна. Давно пора, скажу я. Барон дотумкал, что молодым людям, метящим в женихи, вряд ли придется по нраву потная ба... э-э-э, будущая невеста, да и дочка уже морщит носик, фланируя мимо отдающих кониной ухажеров.

С явлением именинницы народу мажордом дал старт представлению. Человеческий водоворот из бессистемно фланирующих особей, групп и парочек пришел в движение. В броуновском движении молекул наметилась тенденция к порядку. Людское море разделилось на две неравные части, с одной стороны оказались родители, с другой — подростки. Лилина, рассекая расступающуюся публику, с истинно королевской грацией подплыла к невысокому помосту, на котором располагались музыканты.

Со своего места я отлично видел происходящее. Покрутившись, я устроился на перекрестье потолочных балок, к которым крепились одна из пяти хрустальных люстр на тридцать магических светильников — визуальное свидетельство материального благополучия семьи, принимающей гостей. Затрудняюсь назвать стоимость люстры, но однозначно мно-

го. Не каждый, даже обеспеченный, дворянин может позволить себе купить хотя бы одну такую, а тут их пять. Недурственный способ пустить пыль в глаза приглашенных аристократов. Хорошо живут бароны Лера.

Начинается парад-алле. Павлиньи парочки цыплячьими шажками шкандыбают к помосту, после чего совершают церемониальные расшаркивания с именинницей. Мажордом надрывает глотку, объявляя имена и титулы попугаев в цветных дерюжках и блескучих побрякушках. Что интересно, нет и не наблюдается никакого отмеченного мною ранее показательного чинопочитания. Сегодня аристократы не соблюдают вековой традиции титульных лестниц Дитара. Обычно в первых рядах идет различная мелочь, а дальше — по нарастающей согласно древности, влиянию и богатству рода. Сегодня кто ближе, тот и первый. Демократия в действии, так сказать. Лилина с дежурной ослепительной улыбкой на лице приседает в очередном идеальном книксене, принимая подарки и поздравления от какого-то толстого баронета. Папаша толстячка стоит чуть в сторонке, не мешая молодым голубкам курлыкать друг другу ритуальные, ни к чему не обязывающие фразы. Баронета вычеркиваем, его предок ничего не в состоянии дать Лера. Толстячки не имеют политического влияния, мощной тоже не могут похвастать, к тому же Лилина не симпатизирует тучным людям. Сажу Лера ради них не будет ломать любимую дочь через колено.

Лживые улыбки, книксены, ненужные подарки и пустые слова. Надоело, лежу на балке и чуть не засыпаю. Не представляю, как мелкая справляется с нудной обязанностью, у меня прежнего давно бы свело губы и лицо, а ей — хоть бы хны. По залу пронеслась волна шепотков. Вынырываю из дремы. Это неспроста. Следующая пара дарителей привлекает внимание большой плетеной корзиной, которую прижимает к себе очередной недоросль лет четырнадцати на вид. Ой-ла-ла, отрубите мне хвост, если это не кульминация вечера. Взгляды всех присутствующих скрещиваются на... Ну-у-у, мажордом громогласно орет на весь зал... на маркизе Дарии О'Руже. Если я говорю обо всех, то и сам не исключение. Публика лупает зенками, а с Дария как с гуся вода. Все это время молодой маркиз, который, в отличие от большинства кандидатов в мужья, был облачен в простой, но эlegant-

ный мундир воспитанника королевского кадетского корпуса, умудрялся ловко скрываться в тени и избегать внимания собравшихся. Видать, парнишка не погнушался воспользоваться магией, дабы не отсвечивать до поры до времени. Мать молодого человека — Сандра, невысокая стройная голубоглазая брюнетка в легком платье из шелка цвета неба, тоже смогла избежать внимания. Лицом маркиз пошел в нее, а вот ростом и статью, если верить досужим сплетням кумушек, голубоглазый чернявый кадет ничем не уступал отцу — Марку Десту Гора, он же Марк Второй Дитарский по прозвищу Яростный, он же здравствующий правящий монарх. Кроме того что его величество был неистов в бою, он так же неистово цеплялся за каждую юбку, не пропуская ни одной мало-мальски смазливой женской мордашки. Сандра — одна из многих, с кем любвеобильный король разделил свое ложе, и одна из *очень и очень немногих*, кто понес от него и смог добиться официального признания плода плотской любви. Интересно, предпринимал ли король попытку растопить нашу Ледяную Принцессу, или Миражана не удостоилась этой чести? Я не бог весть какой интриган, много ли заинтригуешь в этом теле да прячась по углам, но появление маркиза на званом вечере — это знак. Как бы то ни было, парнишка — четвертый в очереди на престол, если королева не родит неугомонному мужу еще одного наследника. Дураку понятно, что барону Лера предлагают посредством брака очень дорогой пряничек. Возможность породниться с правящим домом обойдется без соответствующих финансовых обязательств. Пусть переговоры о мзде возьмет на себя вдовствующая маркиза О'Руж, но никого этим не обманешь. Королевская семья очень нуждается в деньгах. Миллионы барона просто обязаны послужить *короне и отечеству*, а поводом для перехода золота от одного хозяина к другому станет свадьба двух молодых любящих сердец. Не совсем любящих, но кто отменял старую житейскую мудрость о том, что стерпится — слюбится? Принц крови на белом коне — слишком жирно для каких-то там баронов, много чести, а вот бастард в мужьях и зятях сойдет. Я-то думал, что будет интрига, а все оказалось намного прозаичней. Сажу Лера получил предложение, от которого невозможно отказаться. Одно радует — маркиз недурен собой и ничем не напоминает дутого сноба. Лилина,

похоже, моментально просекла ситуацию, по ее глазам вижу. Девочка продолжает улыбаться своей судьбе, протягивающей ей корзинку (перемещаюсь по балке и заглядываю в тару) с каким-то животным. А вот последнее уже не веселит. Меня не утешает появление конкурента и борьба за внимание хозяйки. Лилина достает из корзины и прижимает к груди длинношерстного белоснежного кота редчайшей породы, в ее глазах сверкают восхищение и неподдельная радость. Мать и сын О'Руж, угодившие с подарком, скалят зубы, чтоб они провалились на месте. Смотрю на мохнатую тварь, нежащуюся на руках девочки, и понимаю, что ненавижу кошек и маркизов О'Руж.

ЭЙСА ВТОРАЯ, в которой Скайлс узнает, кто такой трок

«А жизнь хорошая такая¹... — Я перебрался на другой край деревянного карниза. Белошерстный кот на полу внимательно проводил меня взглядом небесно-голубых глаз, но с места не сдвинулся. — Тварь блохастая».

Расчет на то, что Дэсус бросится за мной и полезет наверх по портьерам, не оправдался. Дэсус, или Пушистик, если перевести на «великий и могучий», загнав меня на гардину, остался сторожить добычу внизу. Гадство, сплошное гадство. Улететь тоже не получится, третьего дня этот блошиный рассадник повредил мне перепонку на левом крыле. Еще некоторое время с полетами придется повременить. Это ж надо было так глупо подставиться под двойную раздачу! Создается впечатление, будто Жулия и котяра стоворились, устроив на кухне засаду. Ворованное мяско в тот раз вышло джентльмену удачи боком. Держа блохастика в поле зрения и под несыпным контролем, я пробрался к заветной цели и только прицелился сцапать самый аппетитный кусочек с разделочной доски, как над неосторожным дракончиком мелькнула стремительная тень. Толстая кухарка, как всегда, сумела подкрасться незаметно. Мокрое полотенце под возмущенный крик толстухи, приправленный доброй порцией злорадства

¹ Слова из песни Б. Алибасова «Упала шляпа».

и торжества, смело вора с поверхности. Сверхившись со стола, крылатый неудачник в моем лице нос к носу столкнулся с шипящей тварью с голубым бантом на шее. Три метра от двери, ведущей в ледник, котяра преодолел одним прыжком. Откровенно говоря, не ожидал от него подобной прыти. Неприятная неожиданность, еще бы чуть-чуть — и привет, архангел Михаил. От захвата и удара лапой с выпущенными когтями я почти увернулся. Белые царапки, беспомощно чиркнув по чешуе на шее и передней лопатке, прошлись по сложенному крылу, порвав кожистую перепонку в двух местах. Взвыв от боли, я плюнул в морду врага пахучим коктейлем из защитных желез, отвечающих за выделение специфических секретов. Не подумайте ничего дурного, драконы не хорьки, данные железы у них вырабатывают производные компоненты, необходимые для изрыгания пламени. Выдыхать огонь я пока не умею, мал еще, дымлю порой помаленьку, но плевать пахучими смачными плевками научился. Недобитая шаурма, нюхнув растворчику, судорожно затрясла башкой и зашла в обиженном мявке. А что он хотел, туалетной водички с запахом розовых лепестков? Обломится. Я бы ему серной кислоты в шайбу не пожалел, но чего нет, того нет. Жаль. Оставляя на полу редкие капли крови, я сбежал в гостевой флигель — единственное место, куда котяре доступ был заказан.

Барон приглашал мага (гад такой, опять приходил в сапогах), и тот перенастроил охранные контуры поместья, открыв киске доступ во все помещения, кроме флигеля. Дракон, как и ожидалось, попал в опалу, никто не любит черночешуйчатых созданий. Кухню, ледник и склад заперли со всех сторон. Жулия довольно потирала мясистые ручки, но тут вскрылся пренеприятный для кухарки и мага факт — мелкая путающаяся под ногами тварь, ворующая мясо и фрукты, просто не замечала магических щитов. Адепт затрясся от вожделения, мечтая захватить в свои загребущие ручки мою брентную тушку и поковыряться в ней, взамен предлагая барону бешеные деньги или услуги в случае необходимости. Лилина насилу уговорила отца оставить дракончика. Маг ушел ни с чем, но его взгляд, брошенный напоследок, мне не понравился. Было в нем обещание...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Эйса вводная</i> , в которой рассказывается, как все начиналось	5
<i>Эйса первая</i> , которая повествует, кто такой Скайлс	8
<i>Эйса вторая</i> , в которой Скайлс узнает, кто такой трок	31
<i>Эйса третья</i> , рассказывающая о том, что на свободу можно выйти и с нечистой совестью	60
<i>Эйса четвертая</i> , в которой рассказывается о рурговых невестах	91
<i>Эйса пятая</i> , в которой утверждается, что цена короны — смерть	127
<i>Эйса шестая</i> , в которой говорится, что ложь бывает и во спасение	186
<i>Эйса седьмая</i> , в которой рассказывается о билете в оба конца	254
<i>Эйса завершающая</i> , в которой утверждается, что финал истории может быть и романтическим	308